

DOI: 10.31696/S086919080033797-3

ИНДИЯ И ПАКИСТАН В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ИСТОКИ, ЭВОЛЮЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОТНОШЕНИЙ

© 2025

Г.Г. МАКАРЕВИЧ ^a, И.Ю. ЩЕДРОВ ^b^{a, b} – ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия^a – ORCID: 0000-0001-8037-0973; gmakarevich@imemo.ru^b – ORCID: 0000-0002-3477-6320; ivanschedro@gmail.com

Резюме: Статья посвящена сравнению внешнеполитических стратегий Индии и Пакистана в регионе Центральной Азии. В качестве методологической основы выбран подход, сочетающий историческую социологию МО, теорию элит, критическую геополитику и критическую историографию, который позволяет проанализировать генезис и эволюцию представлений политических элит и экспертного сообщества о регионе.

Несмотря на активные отсылки к цивилизационным связям и общему культурно-историческому прошлому современных Индии и Пакистана с Центральной Азией, в постбиполярную эпоху их внешнюю политику стал определять иной нарратив. По мнению авторов, в его основе лежит наследие британской мысли, которая подразумевает конфронтационный характер политического взаимодействия великих держав – сегодня такое представление проявляется в нарративе о «Новой Большой игре» за политические и экономические ресурсы региона.

В военно-политической плоскости противостояние активнее всего выражалось на «афганском треке»: соперничество за влияние на Кабул видится в качестве шаблона для выстраивания отношений с центральноазиатскими республиками. В экономической сфере его логика проявилась в борьбе за энергетические ресурсы. При этом наполнение торгово-экономических отношений оставалось низким: сегодня уровень двусторонней торговли Пакистана со странами региона составляет порядка 310 млн долл., а Индии – 1,3 млрд долл.

Как результат, Нью-Дели и Исламабад скорее склонны демонстрировать свою заинтересованность в развитии связей, чем в действительности предпринимать конкретные шаги в отношении стран Центральной Азии. Руководство стран удовлетворено текущим состоянием отношений и не обладает достаточным количеством ресурсов для качественного изменения ситуации. Несмотря на публичное желание расширить экономическую базу взаимодействия, сегодня отношения для Индии концентрируются на развитии политического и гуманитарного сотрудничества. Для Пакистана же ключевыми сферами остаются сотрудничество в сфере безопасности, а также развитие транспортно-логистической и энергетической инфраструктуры, хотя каких-либо явных успехов на этих направлениях не наблюдается.

Ключевые слова: Индия, Пакистан, Центральная Азия, Британский Радж, миф, Большая игра, постколониализм, безопасность

Для цитирования: Макаревич Г.Г., Щедров И.Ю. Индия и Пакистан в Центральной Азии: истоки, эволюция и перспективы отношений. *Восток (Oriens)*. 2025. № 4. С. 101–113. DOI: 10.31696/S086919080033797-3

INDIA AND PAKISTAN IN CENTRAL ASIA:
ORIGINS, EVOLUTION AND PROSPECTS OF THE RELATIONS

© 2025

Gleb G. MAKAREVICH ^a, Ivan YU. SHCHEDROV ^b^{a, b} – Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO)

RAS, Moscow, Russia

^a – ORCID: 0000-0001-8037-0973; gmakarevich@imemo.ru^b – ORCID: 0000-0002-3477-6320; ivanschedro@gmail.com

Abstract: *The article deals with the comparison of Indian and Pakistani foreign policy strategies in the Central Asian region. The aim of the article is to determine the foundations of the political thinking of the countries' elites that were underpinning the formulation of foreign policy towards Central Asia in post-bipolar era. For this purpose, the authors analyzed the development of foreign policy approach during the British Raj and later from the mid-20th century, when the elites of the newly independent countries were forced to coin their attitude towards the region.*

This discussion produced the narrative of the "New Great Game". The authors claim that this discourse derives from the heritage of British thought, which implies the confrontational nature of political interaction between the great powers in Central Asia. To prove this origin, the authors invoked the theoretical complex approach including historical sociology of IR, elite theory, critical geopolitics and critical historiography.

In the military political domain, the confrontation was mostly evident in Afghanistan, a «gate» to the region. In the economic sphere, this confrontation manifested itself in the struggle for energy resources, which was also driven by political imperatives. As a result, New Delhi and Islamabad are more inclined to demonstrate their interest in developing ties than taking concrete steps towards Central Asia. Today India's relations with the Central Asian states mainly focus on political interaction and the development of humanitarian cooperation. Pakistan still concentrates on security, transport and logistics as well as energy sector, although no tremendous success is at sight.

Keywords: India, Pakistan, Central Asia, British Raj, myth, Great Game, post-colonialism, security

For citation: Makarevich G.G., Shchedrov I.Yu. India and Pakistan in Central Asia: Origins, Evolution and Prospects of the Relations. *Vostok (Oriens)*. 2025. No. 4. Pp. 101–113. DOI: 10.31696/S086919080033797-3

Центральная Азия является объектом внимания множества внешних игроков – России, США, КНР, Турции, Ирана, арабских государств Персидского залива, отдельных европейских стран и ЕС. К этому списку также можно добавить Индию и Пакистан, чей интерес к региону обусловлен набором исторических, военно-политических и экономических причин.

Настоящая статья посвящена анализу внешней политики Индии и Пакистана в Центральной Азии: рассматривается обоснование вектора внешней политики, прослеживаются восприятие региона местными элитами, а также изменения в стратегии стран, перечисляются успехи и неудачи, оцениваются дальнейшие перспективы.

В качестве методологической основы авторами выбран комплексный подход, сочетающий историческую социологию международных отношений и теорию элит, критическую геополитику и критическую историографию. Историческая социология международных

отношений в сочетании с теорией элит позволяет нам анализировать особенности восприятия Центральной Азии со стороны индийских и пакистанских элит, указать на истоки этого восприятия и проанализировать эволюцию взглядов. Критическая геополитика призвана помочь в деконструкции геополитических представлений индийских и пакистанских элит и соотнести их восприятие географического пространства с ситуацией «на земле». Наконец, критическая историография дает нам возможность проанализировать набор устойчивых нарративов о Центральной Азии в экспертных сообществах Индии и Пакистана.

Их формирование в 1990-х гг. обусловило рассмотрение значительной части литературы, изданной именно в этом десятилетии. Большое количество индийских источников и литературы среди использованных материалов объясняется повышенным вниманием к проблеме именно в индийском экспертном сообществе, дискуссия же среди пакистанских авторов отличается сравнительно меньшим масштабом и интенсивностью.

В статье последовательно рассматривается обоснование центральноазиатского вектора внешней политики Нью-Дели и Исламабада, выделяются два устойчивых шаблона восприятия – «расширенная общая ойкумена» и пространство противостояния великих держав; оценивается значение «афганского фактора»; анализируются внешнеполитические стратегии Индии и Пакистана в отношении бывших постсоветских республик, их успехи, неудачи и перспективы.

ОБОСНОВАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОГО ВЕКТОРА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИНДИИ И ПАКИСТАНА

Политикоформирующий миф является основным средством обоснования центральноазиатской политики Индии и Пакистана, поскольку двустороннее политическое и экономическое взаимодействие с регионом развито слабо. Фундаментом их внешнеполитической стратегии являются исторические нарративы, что связано с потребностью подтверждения своих взглядов в отношении себя и других [Yasmeen, 2008, p. 30]. Во внешнем поле они служат средством легитимации политики. Во внутреннем – инструментом формирования национальной и цивилизационной идентичности, поскольку внешнеполитические заявления служат отражением национального самосознания [Kavalski, 2010(1), p. 50].

В индийской коллективной памяти, отображаемой в исторических текстах, регион воспринимается как «место происхождения» и «источник опасности», что связано с популярными представлениями о начале пришествия ариев, а также регулярными вторжениями из Центральной Азии на территорию Индостана [Laruelle, 2011, p. 7–21]. Индийские исследователи акцентируют внимание на роли центральноазиатского региона в процессе распространения буддизма на территорию стран Восточной Азии благодаря наследию Кушанского царства.

Пакистанцы также, акцентируя внимание на общих исламских ценностях, не игнорируют связи в доисламский период. Во-первых, подчеркивается наличие общего цивилизационного пространства и совместной истории государственных образований (Греко-Бактрийское и Кушанское царства, империя Великих Моголов). Во-вторых, приводятся примеры экономического взаимодействия во времена использования Шелкового пути. Наконец, культурное взаимовлияние в лингвистической сфере, архитектуре и литературе подаются в качестве основы для взаимопонимания и развития диалога [Tagar, 2019, p. 4–7].

Для такой точки зрения есть основания. Так, профессор Чикагского университета Маршалл Г.С. Ходжсон описывал Индию, Центральную Азию, Турцию и Иран как «единую сферу обращения, ойкумену с сильными общими культурными ценностями и символами» [Alam, Subrahmanyam, 2007, p. 228]. Основой взаимовлияния в Раннее Новое время стала

исламская культура [Hodgson, 1977, p. 59–67]. Границы этого мира определялись не политическими, а социальными факторами, что подразумевало охват гораздо большей территории, чем владения какой-либо империи [Foltz, 1998, p. 65].

Тесные культурно-цивилизационные связи подкреплялись наличием большой диаспоры в регионе, которая способствовала укреплению торгово-экономических отношений. Тысячи выходцев из Индостана расселялись в регионе с середины XVI в., а с начала XVII в., по некоторым оценкам, общая численность диаспоры в Евразии превышала 35 тыс. человек [Levi, 2002, p. 179]. Рассредоточение индийской диаспоры в городах Ирана, Афганистана позволило наладить торговые связи с Узбекистаном [Gopal, 2001, p. 19–43]. Купцы сохраняли прочные связи с родными городами и постоянно передвигались между Индией и Центральной Азией, образуя «сетевые» связи между регионами [Markovits, 1999]. Её представители, преимущественно выходцы из торговых городов Мултан и Шикарпур¹, занимались обеспечением торговых связей как со странами региона, так и с Российской Империей.

Все перечисленные сюжеты лежат в основе политического мифотворчества, однако, на наш взгляд, сегодняшняя политика определяется скорее колониальной эпохой, а точнее – наследием британского восприятия пространства. Так, с 1846 по 1889 г. политику Лондона в отношении региона определяли две взаимосвязанные проблемы – торговые отношения с Туркестаном и необходимость противостояния российской экспансии в Центральной Азии [Haines, 2004, p. 540].

К концу XIX в. регион Центральной Азии стал терять то торгово-экономическое и культурное значение, которое играл прежде. Центральная Азия перестала быть транзитным маршрутом для индийского хлопка и текстиля. С началом продвижения Российской Империи в Центральной Азии, укрупнения банковской системы региона и введения законов, ограничивающих коммерческую и ростовщическую деятельность индийцев, численность диаспоры значительно сократилась [Levi, 2002, p. 258].

При этом британцы не сомневались в том, что Россия не остановится на рубежах Центральной Азии: так, полковник Э. Дюранд в своих мемуарах утверждает, что «каждый, у кого была возможность заниматься рассматриваемым вопросом, не имеет никаких сомнений, что русские верят в возможность захвата Индии» [Durand, 1899, p. 2–3]. Отметим, что в России дискуссия о необходимости продолжения имперской экспансии действительно велась. В докладе председателя среднеазиатского отдела общества востоковедения А.Е. Снесарева к региону отнесены не только территории Туркестанского края, но и Афганистан, Уйгуристан и Индия, а «движение к тёплым водам Индийского океана» определяется как «естественное и давно намеченное» [Снесарев, 1906, с. 7]. Оба утверждения не подразумевают, что элиты Российской империи действительно ставили перед собой цель получить контроль над Индией, но существования таких представлений в Лондоне было достаточно для поддержания конфронтационного характера отношений в Центральной Азии.

По задумке англичан, Персия и Афганистан должны были служить важными буферными зонами Британской Индии на пути Российской империи. Д.Н. Керзон отмечал, что Британская империя из-за наличия протяженной границы в Евразии (почти 10 тыс. км) является крупнейшей сухопутной державой [Lord Curzon, 1907, p. 9]. На повестке стоял вопрос обеспечения безопасности на этих рубежах. Керзон отмечал, что для поддержания стабильности буферные зоны должны управляться властью, способной установить порядок на контролируемой территории. Важную роль в этом деле должны были сыграть представители Индии в этих государствах [Thakur, 2014, p. 60].

¹ Территория современного Пакистана.

Как следствие, многие понятия и конструкты времен колониальной зависимости играют важную роль в современном восприятии Центральной Азии со стороны Индии и Пакистана. После обретения независимости политические элиты Южной Азии пытались отгородиться от наследия Британского Раджа патриотическими и националистическими лозунгами, хотя сами они являлись продуктом британской или британизированной системы образования и культуры [Куприянов, 2023].

Успешный транзит идей об особенностях этого направления внешней политики был также обусловлен тем, что Британская Индия представляла собой не просто колонию, а субимперию, чье влияние распространялось далеко за пределы Южной Азии [Onley, 2009]. Соответственно, местные элиты (чиновничий аппарат и вооруженные силы) являлись не только объектами британской политики, но и её проводниками в отношении третьих стран, что способствовало лучшему усвоению британских понятий и практик. При этом индийцы не принимали большого участия в концептуальном оформлении внешней и оборонной политики, а также в стратегическом планировании, что, как отмечал бывший глава МИД Индии, привело к «отсутствию резерва мысли, талантов и кадров» [Singh, 1999, p. 20].

Сегодня в представлениях политических элит и экспертного сообщества в Нью-Дели и Исламабаде сосуществуют два дополняющих нарратива. Первый связан с необходимостью повышения торговых отношений со странами Центральной Азии, а второй – с необходимостью обеспечения безопасности на северных рубежах. Если для Индии вопросы безопасности концентрируются на необходимости предотвращения распространения терроризма и религиозного экстремизма, то для Пакистана они связаны с необходимостью добиться дружественного окружения и не допустить появления индийских союзников в своем «тылу». Еще одним важным фактором является представление индийских и пакистанских политических элит о стратегической важности Афганистана и необходимости установления там благоприятного политического руководства как одного из ключевых условий для поддержания региональной стабильности.

Вышеперечисленные сюжеты объясняют популярность термина «Большая игра», получившего новую жизнь в постбиполярную эпоху, и использование геополитических конструктов, созданных в колониальный период. Эти конструкты, подразумевающие конфронтационный характер взаимодействия великих держав, нашли свое воплощение в политических действиях лишь спустя некоторое время после обретения независимости.

ФОРМИРОВАНИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ ВЕКТОРОВ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Политических связей Индии, Пакистана и центральноазиатских республик долгое время не существовало по причине долгого отсутствия государственности в современном понимании у всех рассматриваемых субъектов. Однако регион все же периодически присутствовал во внешнеполитической повестке элит Индостана.

Лидеры Всеиндийской Мусульманской Лиги обращали внимание на Центральную Азию еще в начале прошлого века. Так, в своём выступлении на 11-м съезде партии в 1918 г. М.А. Ансари сожалел об упадке исламской цивилизации и разрыве «дуги» мусульманских государств от Османской империи до Китая. Пафос антиколониальной борьбы и «возрождения исламской идентичности» смешивался с британскими нарративами о российской экспансии, отрезавшей мусульман Южной Азии от своих единомышленников в Туркестане [Malik, 1994].

В то же время среди правящих кругов Британской Индии росла обеспокоенность относительно последствий Октябрьской революции и установления советской власти в регионе [Warikoo, 1989, p. 183–185]. Узбекистан стал прибежищем для индийских революционеров,

деятельность которых поддерживало советское руководство [Chatterjee, 2011, p. 21–37]. Активизация левых сил привела к формированию в октябре 1920 г. Коммунистической партии Индии в Ташкенте. Однако вскоре поддержка антиколониального движения со стороны СССР существенно сократилась, что было вызвано необходимостью международного признания новообразованного государства, а также началом Второй мировой войны, в ходе которой Советский Союз и Великобритания выступали союзниками [Gopal, 2011, p. 37–47].

Центральная Азия практически не присутствовала в индийской внешнеполитической повестке после обретения независимости. Причиной этому стало «ложное чувство безопасности», обусловленное географическими и политическими факторами [Singh, 1999, p. 111]. После раздела Британской Индии Гималаи стали важным географическим препятствием, разделяющим два региона, а центральноазиатские республики являлись частью СССР, поэтому интерес со стороны Индии к региону значительно сократился – политические контакты осуществлялись через призму отношений с Москвой.

Другой причиной, по мнению С.Р. Мохана, стало постепенное преобладание среди политических кругов «представления о необходимости установления закрытых границ» [Mohan, 2005, p. 208]. В вопросах безопасности на повестке стояла необходимость урегулирования пограничного вопроса с Пакистаном и Китаем, а в вопросах экономики – развитие национального хозяйства на основе принципов импортозамещения. Процесс деколонизации, возрождение национальной идентичности и территориальная экспансия Китая в Тибет обусловили несостоятельность идеи создания буферов.

Правительство независимой Индии не могло отказаться от сформированного в колониальную эпоху стратегического мышления касаясь центральной роли страны в азиатском регионе [Thakur, 2014, p. 59]. Позиция Дж. Неру подразумевала исключительную преемственность стратегической культуры, что на практике выражалось в поддержании контактов с традиционными партнерами [Thakur, 2014, p. 63].

Гораздо более динамично развивалось взаимодействие в области культуры и образования. В 1960–1970-х гг. сотрудничество Индии и Центральной Азии основывалось на технической подготовке индийских специалистов и академических обменах – в некоторых школах Узбекистана было предусмотрено преподавание хинди и урду.

Деятельность Пакистана в Центральной Азии в те годы мало отличалась от индийской – незначительное политическое взаимодействие и развитие культурных контактов вряд ли можно назвать значимой предпосылкой для современного положения бывших советских республик в стратегиях Нью-Дели и Исламабада. Определяющим фактором в нынешней центральноазиатской политике Индии и Пакистана стали события 1970–1980-х гг. в Афганистане, где активную роль сыграл именно Исламабад.

Пакистанскую реакцию на ввод ограниченного контингента советских войск в Афганистан (ОКСВА) 1979 г. определили три фактора. Во-первых, начавшийся при З.А. Бхутто курс на исламизацию пакистанской политики был усилен в годы правления генерала М. Зия уль-Хака [Филимонова, 2010]. Соответственно, поддержка исламистов в Афганистане, выступающих против прогрессистского и просоветского правительства НДПА в Кабуле, являлась логичным продолжением внутривнутриполитической риторики.

Во-вторых, военно-гражданское руководство Пакистана традиционно воспринимает Афганистан как одно из главных направлений внешней политики. Вне зависимости от того, существует ли так называемая доктрина стратегической глубины, задача признания линии Дюранда в качестве официальной афгано-пакистанской границы, поддержания порядка в приграничных пуштунских районах и недопущения чрезмерного сближения Кабула и Нью-Дели остаются стратегическими императивами Исламабада.

В-третьих, вовлечение в «поход против коммунизма» обеспечило Пакистан статусом «прифронтового государства» и одного из главных союзников США, что позволяло придать американо-пакистанским отношениям новый импульс после их упадка в 1970-е гг. и добиться возобновления интенсивного военно-технического сотрудничества.

Третий фактор на время потерял свою актуальность после вывода ОКСВА в 1989 г., однако первые два в несколько переосмысленном виде стали оказывать влияние и на центральноазиатскую политику Пакистана после распада Советского Союза, а сама «афганская проблема» в последующие десятилетия станет одним из главных сюжетов в противостоянии между Нью-Дели и Исламабадом.

РАЗВИТИЕ ПОЛИТИКИ В ПОСТБИПОЛЯРНЫХ РЕАЛИЯХ

После распада биполярной системы политическим элитам Индии и Пакистана предстояло адаптировать внешнеполитическую стратегию к новым условиям, параллельно выстраивая политический диалог с пятью постсоветскими республиками.

В стратегическом представлении индийских элит регион начал рассматриваться как часть «расширенного соседства», где страна должна была установить экономические связи и ограничить политическое влияние других держав. Страны Центральной Азии одновременно стали источником новых угроз и новых возможностей для расширения стратегической роли Индии. В то же время этот вектор находился на периферии общественно-политических дискуссий [Bal, 2004, p. 25].

В условиях турбулентной социальной и политической обстановки как в странах региона, так и в соседнем Афганистане, руководство Индии не смогло выработать целостную внешнеполитическую стратегию. В Нью-Дели понимали, что отсутствие стратегических основ негативно отразится на возможностях страны играть большую роль в региональных процессах. По этой причине к концу 1990-х гг. наметился переход от идеалистической к более прагматичной парадигме. По мнению Э. Кавальски, этому способствовали ядерные испытания на полигоне Покхран 1998 г. [Kavalski, 2010(2), p. 244]. Изменения можно объяснить и трансформацией региональной динамики. После терактов 11 сентября Центральная Азия приобрела важное значение с точки зрения международной борьбы с терроризмом. Индия активизировала диалог по вопросам безопасности из-за опасений относительно распространения радикализма в регионе, географически близком к Джамму и Кашмиру. Территория стран также использовалась для поддержки антитеррористических операций – Индия построила недалеко от Душанбе военный госпиталь и участвовала в модернизации авиабазы.

Третья причина кроется в изменившейся структуре политических элит Индии. Образование пяти центральноазиатских республик пришлось на администрацию Индийского национального конгресса (ИНК), представители которого исповедовали более мягкий подход к странам региона. Премьер-министр П.В. Нарасимха РАО (1991–1996) дважды посетил регион и в целом проявлял интерес к новым республикам в контексте противостояния влиянию Пакистана. Однако страна не стремилась резко увеличивать политическое и экономическое присутствие. Премьер-министр Индии И.К. Гуджрал (1997–1998) был членом партии Джаната дал. Его внешнеполитическая доктрина была посвящена развитию двусторонних отношений с соседями Индии и в значительной степени игнорировала Центральную Азию как важное направление внешней политики [Murthy, 1999].

Пришедшая к власти в 1998 г. Индийская народная партия (*Bharatiya Janata Party*, БДП) во главе с премьер-министром А.Б. Ваджапайи начала проводить более активную политику. Именно на правительство БДП пришлось начало «войны с террором» в Афганистане,

а традиционная важность северо-западных рубежей определила увеличение роли Индии в региональных процессах. В этот момент Индия заново открыла для себя историю Британского Раджа, который формулировал очень четкие стратегические концепции в отношении Центральной Азии [Blank, 2002]. Так, занимавший в это время пост главы МИД Дж. Сингх (1998–2002) был последователем «керзонианской школы» в части определения роли Индии в Евразии, критиковал предыдущие правительства за то, что те «приняли ограничения, наложенные географией» [Mohan, 2005, p. 205].

Центральноазиатская политика Пакистана отличалась большей последовательностью в силу устоявшихся приоритетов, среди которых можно выделить сдерживание Индии, контроль над ситуацией в Афганистане и поиск дружественных стран в исламском мире [Memon, 1994]. Осуществление последнего пункта казалось особенно уместным ввиду распространения идей о цивилизационной общности мусульман и подъема исламистских сил в регионе [Bhatty, 1994].

С одной стороны, Исламабад предпринимал попытки наладить отношения с постсоветскими светскими режимами через предложения о торговом, логистическом и энергетическом сотрудничестве. Пакистан предлагал доступ к портам на Макранском побережье, взамен рассчитывая на строительство инфраструктуры для импорта энергоресурсов и электроэнергии. «Цивилизационный компонент» на этом направлении проявлялся незначительно: расширение Организации экономического сотрудничества (Турция, Иран, Пакистан и присоединившиеся центральноазиатские республики с Азербайджаном) отвечало представлениям Исламабада о необходимости консолидации мусульманских стран «от Персидского залива до Китая», но так и не дало ощутимых результатов в практической плоскости [Hussain, 1997].

С другой стороны, интенсивная исламизация во внутренней политике, относительная легализация джихадизма в годы противостояния с ОКСВА и последующая вовлеченность в «афганскую проблему» обусловила причастность пакистанских исламистских сетей к деятельности террористических организаций, функционирующих на территории Центральной Азии. Так, лидер Исламского Движения Узбекистана (ИДУ) Т. Юлдашев проживал в Пешаваре и находился в тесном контакте как с местными исламистами, так и с талибами [Белокреницкий, 2004].

Ряд отработанных методов поддержки джихадистских группировок и отсутствие категорического осуждения такой практики со стороны международного сообщества в 1990-е гг. позволяли пакистанским элитам использовать и такой набор инструментов для достижения собственных политических целей в регионе.

Покончено с этим было практически одномоментно – после начала военной операции США и их союзников в Афганистане стране пришлось понизить уровень взаимодействия с исламистами и присоединиться к «глобальной войне с террором». Исламабаду больше не суждено было вести такую же проактивную внешнюю политику в Центральной Азии, какую он вёл на протяжении 1990-х гг.

Индии же свержение режима талибов, напротив, позволило увеличить свое политическое и экономическое влияние [Mohan, 2005, p. 220]. Страна вновь открыла свое посольство в 2001 г., консульства в Кандагаре, Джелалабаде, Герате, Мазари-Шарифе. Индия оказывала гуманитарную помощь Афганистану и странам Центральной Азии, участвовала в поддержке военных операций, а своеобразным стратегическим рубежом для противостояния с талибами и Пакистаном стал Таджикистан [Stobdan, 2020, p. 239]. Нью-Дели стремился развить и логистические связи с Кабулом – так, Индия, Иран и Афганистан подписали меморандум о взаимопонимании по строительству транспортного коридора от иранского порта Чабахар до центрального Афганистана [Agreement on the Establishment, 2016].

Последующие администрации М. Сингха (ИНК, 2004–2014) и Н. Модии (БДП, 2014–2024) принимали во внимание стратегическую важность региона, хотя это не всегда отражалось в практике взаимодействия.

Ограниченность политического инструментария стала причиной активизации энергетической политики Индии в Туркменистане и Казахстане. Отсутствие успехов на этом направлении индийцы связывают с геополитическими факторами. Если в первом случае реализацию трубопровода ТАПИ (Туркменистан–Афганистан–Пакистан–Индия) ограничил пакистанский фактор, то неудачи в нефтегазовом секторе Казахстана принято обосновывать наличием китайского фактора – многие контракты на разработку месторождений были проиграны именно компаниям из этой страны [Pradhan, 2019, p. 135–136]. Эти события явились дополнительной почвой для провозглашения региона в качестве пространства борьбы за энергетические ресурсы.

В попытке «освежить» отношения в 2012 г. была сформулирована политика «Связь с Центральной Азией» (*Connect Central Asia*), хотя её практическое проявление можно было наблюдать только после прихода администрации БДП к власти в Индии в 2014 г. Так, в 2015 г. визит Н. Модии в Центральную Азию воспринимался как «исторический», так как явился первым визитом премьер-министра сразу во все страны региона и отражал ожидания о начале новой проактивной политики.

С приходом БДП был намечен курс на активизацию политического диалога. В 2015 г. начался процесс вступления страны в ШОС в качестве полноправного члена, а с 2019 г. был организован Формат «Центральная Азия + Индия» на уровне МИД. В 2022 г. состоялся первый Саммит Индия – Центральная Азия, важным итогом которого стали договоренности о проведении подобных встреч раз в два года.

Таким образом, главным успехом Индии в последние годы стало повышение статуса политического диалога – достижение, вызывающее удовлетворение индийской аудитории, но ничем не обязывающее политические элиты.

Сотрудничество Пакистана и Центральной Азии после 2001 г. также получило дальнейшее развитие, хотя Исламабаду пришлось несколько иначе расставить акценты: Пакистан стал позиционировать себя как наиболее заинтересованная в борьбе с терроризмом сторона, которая готова к любым совместным инициативам с центральноазиатскими республиками. Подтверждением этому служило стремление Пакистана вступить в ШОС. За счет вступления в организацию в 2017 г. Исламабад смог частично нивелировать обвинения в поощрении терроризма и закрепить за собой особую роль в обеспечении региональной безопасности.

Во второй половине 2010-х гг. к этому добавились заверения в способности оказать благотворное влияние на талибов в случае их повторного прихода к власти, что должно было обеспечить окончание гражданской войны в Афганистане, безопасность стран Центральной Азии и последующее бурное экономическое развитие региона. После вывода войск США и их союзников из Афганистана в августе 2021 г. и возвращения ДТ к власти в Кабуле у Исламабада появилась возможность подтвердить свою правоту на практике, но пока что результаты по последнему, экономическому, пункту остаются скромными.

Согласно пакистанским оценкам, в отношениях Исламабада и постсоветских столиц имеется огромный потенциал в торгово-экономической сфере. Иными словами, отношения между странами находятся на крайне низком уровне: совокупный торговый оборот Пакистана и стран Центральной Азии составляет около 310 млн долл., из которых около 140 млн и 126 млн приходится на Казахстан и Узбекистан соответственно [Central Asia, 2022]. Низкие совокупные объемы не позволяют назвать экономический фактор определяющим в отношениях Пакистана и Центральной Азии – на бывшие советские республики

приходится меньше процента пакистанского экспорта и 0,1% совокупного импорта [*Trade and Payments*, 2024].

Для исправления этой ситуации руководство Пакистана уже 30 с лишним лет настаивает на развитии двух направлений – транспортно-логистического и энергетического.

Первое предполагает использование территории Пакистана в качестве страны-транзитёра для экспорта центральноазиатских товаров через порты на Макранском побережье (Карачи и Гвадар), что должно помочь постсоветским республикам диверсифицировать используемые торговые маршруты.

Энергетическая проблематика же в большей степени интересует Пакистан. Все обсуждаемые инициативы (ТАПИ, *CASA-1000*) также не могли воплотиться якобы из-за связанных с Афганистаном проблем, но после относительной стабилизации ситуации в регионе у проектов, по декларируемой оценке Исламабада, появился шанс на реализацию.

Более важным фактором выступает низкая заинтересованность центральноазиатских стран вкладываться в проекты без участия Индии. Позиция последней объясняется просто: Нью-Дели не желает зависеть от энергетической инфраструктуры, проходящей по территории Пакистана. Тем более, на центральноазиатском направлении Исламабад выступает единым фронтом с Пекином.

В целом в дискуссиях индийского экспертного сообщества можно наблюдать несколько не исключających друг друга нарративов. Во-первых, Центральная Азия воспринимается как место геополитического противостояния и источник энергоресурсов. Метафора о «Новой Большой игре» стала «доминирующей призмой, через которую индийская элита смотрела на Центральную Азию» [Mohan, 2005, p. 217]. Она скорее ограничивала политику: товарооборот Индии с регионом составляет 1,3 млрд долл., основная доля которой традиционно приходится на Казахстан (641 млн долл.) и Узбекистан (332 млн долл.) [*Trade Statistics*, 2024].

Во-вторых, регион традиционно рассматривается как источник нестабильности в контексте распространения религиозного экстремизма и терроризма на территорию Кашмира. Такое восприятие является экстраполяцией противостояния с Пакистаном на центральноазиатский регион, хотя сам Нью-Дели каких-либо проактивных шагов не предпринимает.

Индийские эксперты правы в том, что ключ к развитию отношений с Центральной Азией лежит в экономической плоскости. Пакистан же пока не способен соревноваться даже со скромными успехами Нью-Дели, что объясняется экономическим отставанием от большинства южноазиатских соседей и зависимостью от внешних источников финансирования [Белокреницкий, 2024].

В отсутствие экономической базы взаимодействия с Центральной Азией Индии и Пакистану лишь остается ссылаться на культурно-цивилизационные связи и необходимость поддерживать политический диалог. В этом контексте экстраполяция соперничества Нью-Дели и Исламабада на центральноазиатский регион не несёт рисков для задействованных игроков – постсоветские республики могут получать ситуативные выгоды от контактов с обеими сторонами, а Индия и Пакистан удовлетворяются самим фактом (хоть и незначительного) присутствия в регионе, что сочетается с их геополитическими представлениями об окружающем пространстве.

ВЫВОДЫ

Попытки легитимации политики Индии и Пакистана в Центральной Азии происходят за счет исторических аналогий и связаны с нарративами о «возвращении» стран в Центральную Азию [Kaushik, 2012]. Несмотря на апелляции к доколониальному куль-

турно-историческому прошлому и проводимую политику забвения наследия Британского Раджа, элиты обеих стран мыслят в геополитических категориях конца XIX в., т. е. рассматривают регион как арену противостояния великих держав.

По всей видимости такие аналогии несколько ограничивают возможности для взаимодействия с постсоветскими государствами, поскольку устанавливают для индийских и пакистанских элит два взаимоисключающих шаблона: либо значительное (согласно мифологизированным представлениям индийских и пакистанских элит) торгово-экономическое присутствие по аналогии с ситуацией до прихода в регион России и Великобритании, либо – военно-политическое после начала «Большой игры». Хотя обе картины мало сочетаются с сегодняшней реальностью, они сохраняют свою символическую силу.

Как результат, в перспективе Нью-Дели и Исламабад скорее склонны демонстрировать свою заинтересованность в развитии отношений с Центральной Азией, чем в действительности предпринимать конкретные шаги в отношении региона. Руководство обеих стран удовлетворено текущим состоянием отношений и не обладает достаточным количеством ресурсов (в первую очередь – экономических) для качественного изменения ситуации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/REFERENCES

Белокреницкий В.Я. Пакистанский исламизм и Центральная Азия. *Азия и Африка сегодня*. 2004. № 9. С. 40–44 [Belokrenitsky V.Ya. Pakistani Islamism and Central Asia. *Asia and Africa Today*. 2004. No. 9. Pp. 40–44 (in Russian)].

Белокреницкий В.Я. Экономика Пакистана – причины и последствия замедленного роста. *Мировая экономика и международные отношения*. 2024. Т. 68. № 3. С. 69–78 [Belokrenitsky V.Ya. Pakistan's Economy – Reasons and Consequences of Slow-Motion Growth. *World Economy and International Relations*. 2024. Vol. 68. No. 3. Pp. 69–78 (in Russian)].

Куприянов А.В. Постколониальная история на службе антиколониальной политики: критическая историография и национальный миф в современной Индии. *Международная аналитика*. 2023. Т. 14. № 2. С. 35–48 [Kupriyanov A.V. Postcolonial History in the Service of Anticolonial Politics: Critical Historiography and National Myth in Contemporary India. *Journal of International Analytics*. 2023. Vol. 14. No. 2. Pp. 35–48 (in Russian)].

Снесарев А.Е. *Индия как главный фактор в Среднеазиатском вопросе*. СПб: Издательство А.С. Суворина, 1906 [Snesarev A.E. *India as the Main Factor in the Central Asian Issue*. Saint Petersburg: Izdatelstvo A.S. Suvorina, 1906 (in Russian)].

Филимонова А.Л. Концепция «исламизации» в политике формирования пакистанской нации (1970–1980-е гг.). *Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение*. 2010. № 4. С. 71–89 [Filimonova A.L. The Concept of Islamization in the Policy of Formation of the Pakistani Nation (1970–1980). *Moscow University Oriental Studies Bulletin*. 2010. No. 4. Pp. 71–89 (in Russian)].

Agreement on the Establishment of an International Transport and Transit Corridor among the Governments of the Republic of India, the Islamic Republic of Afghanistan and the Islamic Republic of Iran (Chabahar Agreement). Ministry of External Affairs. Government of India. 2016. <https://www.mea.gov.in/Portal/LegalTreatiesDoc/016P2941.pdf> (accessed: 10.01.2025).

Alam M., Subrahmanyam S. *Indo-Persian Travels in the Age of Discoveries, 1400–1800*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Bal S.N. *Central Asia. A Strategy for India's Look-North Policy*. New Delhi: Lancer Publishers and Distributors, 2004.

Bhatty M.A. Pakistan's Perspectives on Central Asia. *Strategic Studies*. 1994. Vol. 16. No. 3. Pp. 23–38.

Blank S. India and Central Asia: The Return of Strategy. *Central Asia-Caucasus Analyst*. 11.09.2002. <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/7014-analytical-articles-caci-analyst-2002-9-11-art-7014.html> (accessed: 10.01.2025).

Central Asia. *Ministry of Foreign Affairs. Government of Pakistan*. 2022. <https://www.mofa.gov.pk/central-asia> (accessed: 10.01.2025).

Chatterjee S. Bukhara in a Revolutionary Time and its Indian Connections. *Mapping Central Asia: Indian Perceptions and Strategies*. M. Laruelle, S. Peyrouse (eds.) Farnham: Ashgate Publishing Company, 2011.

Durand A. *The Making of a Frontier: Five Year's Experiences and Adventures in Gilgit, Hunza, Nagar, Chitral, and the Eastern Hindu-Kush*. London: John Murray, 1899.

Foltz R. Cultural Contacts Between Central Asia and Mughal India. *Central Asiatic Journal*. 1998. Vol. 42. No. 1. Pp. 44–65.

Gopal S. Indian Traders in Uzbekistan in the Eighteenth Century. *India and Central Asia, Cultural, Economic and Political Links*. S. Gopal (ed.) Delhi: Shipra Publications, 2001.

Gopal S. The Opening and Closing of Direct Indo-Central Asian Relations, 1924–1940. *Mapping Central Asia: Indian Perceptions and Strategies*. M. Laruelle, S. Peyrouse (eds.) Farnham: Ashgate Publishing Company, 2011. Pp. 34–44.

Haines C. Colonial Routes: Reorienting the Northern Frontier of British India. *Ethnohistory*. 2004. Vol. 51. No. 3. Pp. 535–565.

Hodgson G.S.M. *The Venture of Islam. Conscience and History in a World Civilization*. Vol. 3. The Gunpowder Empires and Modern Times. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1977.

Hussain S.R. Pakistan and Central Asia. *Central Asia*. 1997. No. 2(8). Pp. 67–76.

Kaushik D. India and Central Asia: Revitalizing Traditional Ties. *International Studies*. 2012. Vol. 47. No. 2–4. Pp. 323–331.

Kavalski E. *India and Central Asia. The Mythmaking and International Relations of a Rising Power*. London – New York: I.B. Tautis Publishers, 2010(1).

Kavalski E. India and Central Asia: The No Influence of the “Look North” Policy. *The New Central Asia. The Regional Impact of International Actors*. E. Kavalski (ed.) Singapore: World Scientific, 2010(2). Pp. 239–260.

Laruelle M. Foreign Policy and Myth-making: Great Game, Heartland, and Silk Roads. *Mapping Central Asia: Indian Perceptions and Strategies*. M. Laruelle, S. Peyrouse (eds.) Farnham: Ashgate Publishing Company, 2011. Pp. 4–18.

Levi C.S. *The Indian Diaspora in Central Asia and its Trade, 1550-1900*. Vol. 3. London – Boston – Köln: Brill, 2002.

Lord Curzon of Kedleston. *Frontiers*. Oxford: Oxford Clarendon Press, 1907.

Malik N.A. The All-India Muslim League and Central Asia. *Islamic Studies*. 1994. Vol. 33. No. 2/3. Pp. 381–391.

Markovits C. Indian Merchant Networks outside India in the Nineteenth and Twentieth Centuries: A Preliminary Survey. *Modern Asian Studies*. 1999. Vol. 33. No. 4. Pp. 883–911.

Memon M. Reorientation of Pakistan's Foreign Policy After the Cold War. *Pakistan Horizon*. 1994. Vol. 47. No. 2. Pp. 45–61.

Mohan C.R. *Crossing the Rubicon. The Shaping of India's New Foreign Policy*. New Delhi: Penguin Books India, 2005.

Murthy P. The Gujral Doctrine and beyond. *Strategic Analysis*. 1999. Vol. 23. No. 4. Pp. 639–652.

Onley J. The Raj Reconsidered: British India's Informal Empire and Spheres of Influence in Asia and Africa. *Asian Affairs*. 2009. No. 40. Pp. 44–62.

Pradhan R. The Energy Factor in India's Central Asia Policy. *World Affairs: The Journal of International Issues*. 2019. Vol. 23. No. 2. Pp. 126–139.

Singh J. *Defending India*. New Delhi: Macmillan India Ltd, 1999.

- Stobdan P. *India and Central Asia. The Strategic Dimension*. New Delhi: KW Publishers, 2020.
- Tarar N.O. Reclaiming Pakistan's Central Asian Heritage. *Hilal*. 2019. No. 1. P. 47.
- Thakur V. The Colonial Origins of Indian Foreign Policymaking. *Economic and Political Weekly*. 2014. Vol. 49. No. 32. Pp. 58–64.
- Trade and Payments. Pakistan Economic Review 2023–2024. *Government of Pakistan*. 2024. https://www.finance.gov.pk/survey/chapter_24/8_trade%20and%20payments.pdf (accessed: 10.01.2025).
- Trade Statistics. *Ministry of Commerce and Industry. Government of India*. 2024. <https://tradestat.commerce.gov.in/eidb/default.asp> (accessed: 10.01.2025).
- Warikoo K. *Central Asia and Kashmir: A Study in the Context of Anglo-Russian Rivalry*. New Delhi: Gian Publishing Company, 1989.
- Yasmeen S. India and Pakistan: From zero-sum to shared security. *National interest and international solidarity: particular and universal ethics in intermediolateral life*. J-M. Coicaud, N.J. Wheeler (ed.) New York: UN University Press, 2008. Pp. 27–55.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

МАКАРЕВИЧ Глеб Григорьевич – младший научный сотрудник, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия.

Gleb G. MAKAREVICH, Junior Research Fellow, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

ЩЕДРОВ Иван Юрьевич – младший научный сотрудник, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия.

Ivan Yu. SHCHEDROV, Junior Research Fellow, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.